

291.71-1

355

СКАЗАНИЯ-
ПОЭМЫ

М.С. /
КРЮКОВОЙ

ОГИЗ—Архоблгиз

РР

СКАЗАНИЯ-ПОЭМЫ

МАРФЫ СЕМЕНОВНЫ

КРЮКОВОЙ

Записал и обработал
ВИКТОРИН ПОПОВ

1306 М 373554

179
Библиотека
1966 г.

1966 г.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК

1937

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОЛОТИЦА. Очерк Викторина Попова	3
ПОКОЛЕН-БОРОДА И ЯСНЫЕ СОКОЛЫ	17
ЧАПАЙ	29
СКАЗАНИЕ ПРО ПОЛЮС	47

ПРАВИТЕЛЬСТВО
1937

2002

1995

2015

Редактор *Н. Д. Попов* Техред и корр. *А. А. Веселовская*
Обложка худ. *В. Г. Постникова*

Уполн. Архобллита № 2401 Авт. л. 1,77 Формат 62×94/32
Огиз № 907 Печ. л. 1,63 Сд. в наб. 28/VIII 37 г.
Инд. X-26 Бум. л. 0,82 Подп. к печ. 3/XII 37 г.
Тираж 5000 Зн. в б. л. 97920. Заказ № 2119

Цена 80 коп.

Тип. „Северный Печатник“, Вологда, ул. К. Маркса, 70

2010

З О Л О Т И Ц А

Марфа Семеновна Крюкова — известная на Севере сказительница былин. Репертуар пропеваемых ею былин и исторических песен, рассказываемых бывальщин и сказок столь богат и разнообразен, что она в настоящее время по праву считается лучшей сказительницей.

Марфа Семеновна всю жизнь провела на берегу Белого моря, в деревне Нижней Золотице Приморского района Архангельской области.

У того моря у Белого,
У лукоморья песку желтого,
Стоит деревня наша родная,—
От зимнего тюленьего промысла
Да от летней семги
Новгородцы называли наше место
З о л о т и ц е ю.

На Зимнем берегу Белого моря всегда были сильны былинные традиции. Проф. А. Марков, описывая свою поездку для записи былин на север в 1899 году, сообщает: „...в Золотице оказалась такая богатая жатва по части собирания былин, что я принужден был ограничить район своей поездки одной Золотицкой волостью“.

Былинное богатство Золотицы объясняется географическим ее положением, родом занятий насе-

ления и той традицией пропевать прошлую народную историю, которую привезли сюда новгородцы, первые поселенцы.

Занимаясь промыслом морского зверя, золотицкие крестьяне общались с промышленниками из других мест, золотицкая молодежь часто уходила „в покруты“ (в наем) по разным сторонам, — это немало способствовало собиранию былин.

На промысле тюленя в море, в рыбацких избушках на тонях, в охотничьих избушках в лесу, за сученьем веревок и плетением сетей дома крестьяне „пропевали старины“.

Удаленные от культурных центров, поморские крестьяне „довольствовались старым, вынесенным из Новгородской земли эпосом, только слегка применяя его к своей природе и своему быту“ (А. Марков). Сюда почти не проникали новые, позднейшие формы эпоса. Но зато именно здесь в наибольшей чистоте сохранилось былинное творчество, дошедшее от дружинников и скоморохов.

Сколько живучи былины в Золотице, сколько они распространены там и, так сказать, вошли в быт, указывает факт, приведенный проф. А. Марковым: дети называют себя в играх именами былинных героев: „Я—Васильюшко Богуславьевич“, „Я—Илья Муромец“.

И по сей день в Золотице пропевают старины. Колхозники не утратили интереса к истории. Они как бы рассматривают свое настоящее сквозь своеобразную призму веков.

Когда, зимою 1936/37 года М. С. Крюкова выезжала из Золотицы в Москву, колхозники, провожая ее, говорили:

— Расскажи, Марфа, в Москве сказы свои, привези оттуда книги писанные, чтоб твои старины наши ребята читали и понимали, какая жизнь была прежде.

Сказителей старин становится все меньше. Уже А. Марков, побывавший в Золотице в 1899 году, отмечал, что, по словам крестьян, раньше сказителей было куда больше. Но и сегодня почти в каждом золотицком доме можно найти старика или старуху, молодого колхозника или девушку, которые могут пропеть не одну старину.

Из всех сказителей Марфа Семеновна Крюкова — единственная в своем стиле, она памятьвей и даровитей других, она — „классик“ среди рядовых сказителей.

Марфа Семеновна происходит из давно известного в литературе рода талантливых сказителей Крюковых. Сказителями были ее деды, ее бабка, ее мать. От матери, Аграфены Матвеевны Крюковой, опубликовано триста страниц былинного текста. Уже тогда, в конце прошлого века было записано несколько былин и от Марфы Семеновны.

К настоящему дню в репертуаре Марфы Семеновны Крюковой около ста пятидесяти былин, исторических песен и сказов. Память Марфы Семеновны поразительная! Достаточно и теперь, когда ей уже шестьдесят три года, раз-другой прослушать новую былинку или сказ, чтобы она запомнила их навсегда.

Жизнь Марфы Семеновны была нелегкой:

В Золотице я родилася,
И всю жизнь прожила я в ней.
Нигде, нигде я во младости не бывала,
Ничего-то я в мире не видала же.

Цвели, цвели цветики
Да скоро повянули,
А ни в чем-то моя молодость
Прошла да прокатилась,
Прошла молодость не во гуляньици,
Прошла молодость во работушках во тяжёлых,
Во заботушках во великих же.
Наша деревня не богатая,
Только два было дома прожиточных,
А остальной народ от труда своего жили,
Были рыболовы да сенокосари.
Уж хлеб у нас да не рождался он,
А покупали его в Архангельском граде,
Больше ели-то солому толченую да с мякиною,
А народ от того пух и помирал.

Марфа Семеновна была очень привязана к родителям, к любимому брату, которых она лишилась, уже будучи в годах, но о которых говорит всякий раз со слезами. С болью она рассказывает и о том, что ей не удалось получить образования.

И осталась я безотною сиротиною,
Ни отца нету, ни матушки,
Вся жизнь-то моя тогда разрушилась.
Ничего во свете не жалею я —
Ни своей молодой молодости,
Не жалею и того, что не поносила
Платья цветного, нарядного,
Что прошла молодость не во гуляньици,
Как жалею-то я отца-батюшку да родну матушку,
Ищю брателка, ясна сокола,
Я жалею, — прошла жизнь моя да не в ученьици,
Не в премудром у меня да образованьици,
Прожила я да неученой, необразованной,
Не уйти было от той бедности
На белой, на вольный свет.
Пущай такая жизнь не приключается
Ни дородним добрым молодцам,
Ни девицам, белым лебедушкам,

Она пущай со мной оставаётся,
В моей памяти во горькой.

В биографии Марфы Семеновны есть эпизод, связанный с интервенцией на Севере. Она с ненавистью вспоминает о „беляках“:

В одну пору, в одно времечко
По поздну было по вечеру,
По закату соньца красного
По суседам народ весь растреложился,
Зашли жонки-суседки к нам:
„Едет полковник с офицерами да со солдатами!“
Как приехали они по утру по ранному,
И заехали они в дом большой, прожиточный,
Хозяин в нем был теперь раскулаченный,
Он имел пароход да контору свою.
Полковник ездил да выведывал,
Как пробраться-то на Терской берег.
Народ на это не соглашались,
Никто его не перевозил же.
Отец в наследство оставил нам лодку новую.
Лодку новую, неезжанную да недержанную,
Чтоб мы продали ее себе на пропитаньице.
Полковник велел отобрать же ее,
Отобрали ее, да не стало ее.
Офицеры жировали по деревне да веселилися,
Вечерами на гулянках прохлаждалися,
А утрами думу думали,
Думу вздумали, как хороших коней
Дак отобрать от нас.
А тут был у нас конь Воронеюшко,
Как пришли-то они да забрали его.
Поведут поить на реку его,
Видим — как пьет-то он,
Слышим — как говорят они:
„Пей, пей, крюковский Воронеюшко,
Скоро, скоро поедешь в путь-дорожечку
Ко Архангельску ко городу!“
Собирались они в путь-дорожечку,
Наложили на Воронеюшка мясо тушами,

Мимо нашего дома пришлось им ехать,
Он глядел, будто понимал, на наше окошечко.
Мне хотелось выйти с ним проститься,
Но матушка мне не дозволила:
„Не ходи, Марфуша, не гладь рукой,
Он будет тосковать об нас!“

Именно с пребыванием в Поморье интервентов связано самое большое несчастье Марфы Семеновны — смерть матери. Дело не только в обычной привязанности дочери, хотя, естественно, у Марфы Семеновны, до старости оставшейся „в девушках“, эта привязанность очень сильна, а в той творческой сродности, которая всегда сближала двух сказительниц — мать и дочь.

Большой при беляках был голод-то,
В деревне хлеба не было,
Жить народу приходилось плохо.
В эту пору, в это времечко
Заболела у нас да родна матушка,
От болезни сна, от того от голоду,
От тех ли от лабушек из соломы да из мякины,—
Померла от пропитаньица.

Круто изменилась жизнь Марфы Семеновны в советские годы. Облисполком Архангельской области назначил ей пожизненную пенсию. Дважды ее вызывали в Архангельск, где она выступала со своими былинами и сказами. Она получила не только областную, но и всесоюзную известность: зимою 1937 года по командировке Северного управления по делам искусств Марфа Семеновна выезжала из Золотицы в Москву.

Я пришла только от морюшка,—
Собирала там я дроздушки,
Говорили мне мужики и женщины!

„Ты напрасно все треложисься,
Дрова носишь, собираешь все,
Пожалей свои силы женские!“
Я не думала, того не ведала,
Что поеду ко Архангельску, славну городу,
Что поеду я во матушку, в каменну Москву...

Председатель сельсовета тов. Седунов сам починил ей на дорогу валенки, и она отправилась на колхозной лошади зимней дорогой вдоль берега Белого моря.

— Спустилися из деревни к морю. Вот я тут и ужаснулась: куда я поехала? Непогодь бесится, ворочаться надобно. А ямщик-то меня уговаривает. Ямщик заботливый-то был: где плохо на дороге, там пешу шел, боялся, чтоб меня не досадить... На десятый день в град Архангельской приехала. Отогрелась, осмотрелась да и в каменну Москву собираться стала.

Впервые Марфа Семеновна ехала по железной дороге. Впервые видела Москву.

„Много я дивовалась на машине-поезде: будто в комнате сижу, а сама-то ведь двигаюсь. Стучит-стучит машина, как струнами выигрывает. Скоро, быстро машина по полям, по лугам бежит. Птице за ней на полете не удержатися, а не то, что пешеходу.

Смотрела в окно: мелькают леса, деревни незнакомые. Вот вижу — народ идет, а не успеешь разглядеть, будто его век не бывало.

Я все спрашивала у кондукторов:

— А когда будет Вологда, которую грозный царь Иван Васильевич хотел сделать второй Москвой?

Кондукторы сказали:

— Не треложьтесь, Марфа Семеновна, разбудим, когда будет вторая Москва.

Я приоделась. Здесь приостановились.

— Хорош город, хорош! Почему его не устроили второй Москвой? При такой он при прекрасной долине, при местности: Вологда-река течет!

Очень хотелось Яруславль-город посмотреть. Но от машины не отойдешь, только с виду видела.

На крутой на горе да на высокой
Испостроился да тут нов город,
Краше Киева, краше Суздаля,
Краше матушки каменной Москвы...
Ты слетай-ко, слетай, соловеюшко,
Во прекрасну страну, в славный город Яруславль...

Ехали дальше. Дома встречались. У каждого дома кони, скот, овцы бегают.

— А потом все народы в вагоне начали собираться, собираться — одеваться.

Москва!

Тут наш поезд остановился, и все стали выходить.

Встречали люди добрые, люди добрые — московские, подходили они к кондуктору, говорили таковы слова:

— А приехала ли Крюкова?

Здравствуй, здравствуй, Москва белокаменная,
Здравствуй, здравствуй, столица дорогая!

Разве осмотришь всю каменну Москву? Ясну соколу не облететь, добру молодцу не объехать на добром коне!

У Москвы-реки была, река московская не широкая, а глубокая. Стены кремлевские смотрела, во

как выкладены стены: камень к камню, ни один не выдался, — вот она русская премудрость пре-великая!

Видела я Кремль со башнями со высокими, со звездами со блестящими. На этой на башне на самой высокой стоит-то будто наш дорогой же вождь, товарищ Сталин. В руках-то держит трубочку подзорную, чутким ухом-то он слышит все, веселым взором он видит все, видит всех да на земли людей. За хороши дела да награждает он, ко себе в Москву да призывает их, к своей горнице ведет гостей, садит он их за столички дубовые. Он сам с ними сидит да ест, пьет да кушает, советы мудрые дает им, как нужно жить, как дела вести. В делах Сталина все дивуются, старикам-то жить да снова хочется.

У кремля я видела — мавзолеей стоит. Сделан он из камня-браманту. А внутри очень блестящая чудность, будто покрыто все стеклами восточными. Не час стояла и не два глядела, останавливаться никак нельзя, потому что народу много есть. Чудо чудное, очень дивное, где Ильич лежит. Он лежит, будто спит: очи закрытые, уста замолкнутые. Лежит-то он в гробу, в тужурочке военной, белы рученьки по швам положены, будто не умер он, будто живой лежит.

По метро я ездила, по машине подземельной. По большой мудрости сделано, есть на что посмотреть да полюбоваться. Под землей будто светит красно солнышко. Никакому мудрецу не учинить такой премудрости.

А жила-то я в гостинном доме „Москва“. Дом большой, до неба высокий. Не успеешь сказать

слова ласкового, как подымут тебя на машине под самый потолок. Я по ступенькам больше ходила, со знакомыми говорила. А знакомых-то было у меня чуть не вся Москва.

На представленьици я была в театре да в самом пребольшом. Там стулья золоченые, а покрыты они рытым бархатом.

И видела я лично Садко, гостя новгородского, и видала-то лично морского царя и Настасью царевну, вся личность у нее в роскоши. Когда сходил Садко с корабля в море пучинное, прощался-то со своей дружинишкой, тут и я встала с своего золоченого стула и сделала ему низкий поклон по писаному, спроводила Садко славного в путь-дорожечку.

Все правильно в этом театре: сущая правда, с бытого взято. Москвичи-то близ Новгорода живут, уж они обо всем хорошо знают. Как мы, к примеру, про Мезень знаем, старики наши бывали там, сказывали, вот и знаем.

И была-то я в доме, где портреты разные да картины. Видела Илью Муромца — мужественный, настоящий богатырь, конь под ним белый, как и по правде было. У Добрыни Никитича конь вороной. У Алеша Поповича конь голову выздынул, весело смотрит, сам Алеша красивый, премладый. Те скучные на конях сидят, а он со веселой со улыбкою. Видела грозного Ивана Васильевича, — руки-пальцы в крови, убил он сына своего Иоанна Ивановича. Сам грозный царь хмурый, — жалко, да не вернешь. Мысли его мучают: убивица недолго жить будет. Князь Александр Данилович Меншиков сидит в дальней той ссылочке в шубе, дочь его тут же

чернобровая, сын рядом стоит. Княгиню, Морозова жону, видела, как везут в монастырь, она волосы с себя сдирает.

Ходила в музей дорогого вождя Ленина. Сидит Ленин за столом, как живой, рукописание пишет про свои дела и обстоятельства. Было, что писать, как вся вселенная у него под рукой была. Товарищ Сталин стоит во весь рост, нога выкинута вперед, как по-военному, с трубочкой курительной. Весь свет перед ним. Вот, может, меня, старуху, видит. Думает наверно про себя: „Как эта старуха живет, хорошо, или помочь ей чем надо?“

Поездки Марфы Семеновны в Архангельск и в Москву расширили горизонты ее представлений.

Проф. Ю. М. Соколов говорил, что М. С. Крюкова отличается от всех известных ему сказителей богатством фантазии, красочностью описываемых ею былинных событий и героев. Марфа Семеновна не автоматически воспроизводит однажды заученную былинку, а каждый раз, пропевая, экспромптом творит, вводит новые подробности и колорит, сохраняя однако в неприкосновенности „исторические“ факты и основу сюжета. Всякий раз одну и ту же былинку она пропевает по-разному.

Марфа Семеновна — народный поэт.

В совершенстве владея техникой былинного стиха, от природы одаренная богатой и своеобразной фантазией, она, если в хорошем расположении духа, и о текущих событиях рассказывает былинным стихом.

Был такой случай: в Архангельске мы пришли к ней с Игорем Ильинским в гости, а на другой день она рассказала своим знакомым об этом по-

сещении в стихах, излагая в подробностях и содержание нашей беседы и давая нам индивидуальные характеристики.

Образцами такого экспромпта-стиха и являются приводимые мною в настоящем очерке стихотворные отрывки из ее рассказа о своей жизни.

Поэтическая одаренность, жадная любознательность, большая любовь к чтению книг, признание ее нужности, как сказительницы, со стороны советской общественности, — все это и определило новое былинное творчество Крюковой.

И раньше ею делались попытки отзывать стихом на близкие нашему времени темы, но у нее не было уверенности: кому, мол, нужны стихи какой-то деревенской старухи, когда столько „ученых да премудрых студентов и писателей“. Внимание же и забота, которыми она была окружена в Архангельске и в Москве, дали ей творческую уверенность.

Марфе Семеновне предлагали переселиться в Архангельск, в Москву, но она не хочет уйти от Белого моря, из родной Золотицы.

Ничего нет прелестнее на севере,
Как есть да море Белое,
Оно все-то у нас тут украшеньице,
Очень мило, как стоит-то оно у нас,
Когда тихое!
Оно стоит-то тогда, не колыбнется,
Морской волной не разливаается, —
Хорошо смотреть тогда на море Белое!
Когда подуют-то ветры буйные,
Ветры буйные да северные,
Так подынутся волны сильные,
Зашумит тогда да море Белое,
Погонит волны все к бережочку.
Ко желтому-то ко песочку,

Будто белы чайки, волны взлетывают,
Волны будут в берег разбегаются,
Серы камешки загремят тогда,
Расшумится море да растреложится.
Хорошо смотреть на море Белое,
Когда взволнуется оно непогодушкой!

Поэтическое дарование Марфы Семеновны выходит за пределы схем, законсервированных в былинах, она сочиняет свои, новые произведения, темой которых являются или современные революционные события, или жизнь ее родной Золотицы, или личные переживания.

Вся жизнь Марфы Семеновны прошла в творчестве. Это наложило своеобразный отпечаток на ее облик и характер. Она как бы чужда интереса к бытовой повседневности, ее взгляд самоуглублен, она молчит и как бы отсутствует, если разговор при ней ведется на темы, ее не занимающие. Как только речь заходит об истории, о новых событиях, о творчестве, глаза ее начинают переливаться в улыбке; лицо, до этого суховатое, непостижимо преобразается, оно влечет к себе душевной теплотой, творческой возбужденностью. Марфа Семеновна вступает в беседу; первые фразы она произносит неуверенно, будто ощупью пробирается среди лесной чащобы, затем, на второй-третьей минуте, попадает в ритм стиха и, как бы выйдя на широкую, ровную дорогу, напевает свой рассказ легко, уверенно, щедро рассыпая сочные образы былинной поэтики. О чем бы Марфа Семеновна ни принималась рассказывать, если она в настроении, рассказывает экспромтным стихом, произнося слова особенным беломорским говором.

Если бы кто-нибудь записывал все ее повседневные рассказы, то получилось бы целое собрание стихов на самые разнообразные темы, а среди них немало таких, которые заслуживали бы опубликования в печати, как яркие образцы творчества народного поэта М. С. Крюковой.

Публикуемые сказания записаны мной, по инициативе Управления по делам искусств при Архоблсполкоме, в апреле — июне 1937 года в Архангельске.

Эти сказания — не фольклор в обычном понимании, это — индивидуальное творчество М. С. Крюковой, которая по праву может быть названа народным поэтом. Это — сказания-поэмы. Они являются своеобразным сочетанием разных влияний: народного представления об излагаемых событиях, вычитанного из книг, слышанного от рассказчиков и собственной творческой фантазии.

Мое участие при записи и обработке настоящих сказаний заключалось в помощи расположить некоторые события в правильной исторической последовательности, в исключении отвлечений, не имеющих непосредственного отношения к основной теме, в значительном сокращении излишних повторений и слишком растянутых в иных местах описаний, создававших диспропорцию отдельных частей произведений, и в устранении особенностей беломорского диалекта.

Викторин Попов.

ПОКОЛЕН-БОРОДА И ЯСНЫЕ СОКОЛЫ

Снаряжал-то Сталин черненый большой карабель,
Большой карабель, славный лёдоход,
Садил-то на него ученых людей, людей мудрых,
Говорил-то им таковы речи:

„Уж вы, добры молодцы, ученые да премудрые,
Вы пройдите все море ледовитое,
Дойдите до самого моря дальнего,
Проверьте все моря как следует!

Вы откройте путь-дорожечку прямоезжую,
Проглядите там, как пройти туда,
Чтоб переезд-переход был-то скорый
В ту сторонку дальневосточную
К самому-то богатырю ко Блюхеру!“

Говорили люди ученые да люди мудрые,

Говорил за всех Поколен-Борода,

Поколен-Борода — начальник головной,

Борода у него очень длинная,

Очень длинная да очень черная,

От ветра она, как волна, колыбается,

При тихой погоде ковыль-трава не колышется.

Из простых людей да был же мудрый он,

Был-от мудрый да ученый,

Смышленный во делах же был,

Во всем-то был догадливый,

Смелость-то была богатырская,
А подвиги-то славно-рыцарские.
Говорил таковы слова:
„Ой, ты гой еси, дорогой же вождь, товарищ Сталин,
Ты задал дела да очень тяжелые,
Тяжелые да очень треложные.
В эти пути-дорожечки ходили люди разные,
Ходили люди из Новограда,
Ходили народы разные иностранные,
Не могли они провести путь-дорожечку,
Не было у них такой мудрости,
Не было у них такой смелости,
Не было такого и ученьца.
Нам не страшны будут волны окиянские,
Нам не страшны будут ветры буйные,
Нам не страшны будут ночки темные.
У нас не мала дружинишка хоробрая,
Она пройдет, проъет же льды морозные,
Ветры буйные не повредят же их,
Ночки темные не попутают“.

От славного от града-Ленина,
Из той гавани карабельной,
Из той из пристани да из причальной
Отходил черный большой карабель.
Во-первых пошел во ближне море,
Во-вторых пошел в окиян-море.
Тут стоял, смотрел карабельщик бывалый же,
Он стоял, смотрел на путь-дорожечку,
В руках-то держал трубочку подзорную,
Он смотрел-то во трубочку во все четыре стороны:
Во перву стороночку восходную,
Во втору стороночку заходную,

Во третью-то стороночку во летнюю,
А в четвертую стороночку в полуночную.
Он смотрел-то, смотрел да поглядывал,
Поглядывал да высматривал,
Что впереди да ему видится,
Что позади да остается,
Что по краям-то расстиляется.

Карабель несется птицей легкою,
Птицей легкою, морскою чайкою.
Увидал-то карабельщичек приметочку,
Приметочку-то — бережка крутые,
А на том бережку сам Блюхер стоит,
Сам Блюхер стоит, богатырь геройский.
Он стоит на заставе на великой в латах богатырских,
Он стоит да высматривает,
Чтоб ни птицы пролетные, ни звери морские,
Ни волки рысучие, ни гады ползучие
Из чужих земель чтоб по морюшкам не прошли,
А горою не проехали.

Тут случилось-то горюшко великое,
Падала зима-то раньше сроку зимнего,
Заморозили карабль льды морозные,
Задержали тут да путь-дорожечку,
Нельзя пройти чернелу большу караблю,
Не уйти-то им будет, не уехати
Ни сухим-то путем, ни водою.
Опускали парусы белы полотнены,
Бросали якоря новы булатные,
Клади-то сходни концом на лед,
Стали дожидаться весны красной да лета теплого.
Тут подымалась-то туча темногрозная,

Велика невзгодушка зачиналася,
Она падала со всех четырех сторонушек,
Льдами, льдинами карабель весь заклало уже,
Стало льдом закрывать, да не видать его,
Пошатался карабль да с боку на бок,
Стал садиться карабль на дно морское,
Поверх карабля лишь ключи кипят.
Тут все люди ужаснулись,
Ужаснулись, но не растреложились,
В делах своих не растерялись:
Выгружали они кованы ларцы на льдину проходящую,
Сами скоро все соскочили.
Один не соскочил молодой молодец, —
Будто Садко, он пошел на донышко,
Ко царю пошел ко морскому же,
На его будто пированьице;
Не спокинул добрый молодец караблика советского,
Он один будет на нем да охранять его,
Охранять его в морюшке глубоком.

В одну думу все думали,
За одно да речь говорили,
Изо льду-то сделали шалаши себе,
Шалаши себе да оприютьице,
Оприютьице да обогретьице,
От снегов да от морозов приукретьице.
Уж палаты те были не дворянские да не боярские,
Не боярские да не дома крестьянские,
Очень чудные да очень дивные,
Изо льда-то были сделаны.

Была баба на той на льдиночке,
На руках у нее было дите малое,

Сберегли ее люди добрые,
Сберегли, не спокинули,
Уж убрали ей палатку ледовую да самую лучшую.
„Ты расти, расти, дитя младое,
Дитя малое, да будь удалое!
Уж не налетят ли на нас птицы летучие,
Птицы летучие от самого кремля,
А на них-то сидят добры молодцы,
Добры молодцы-перелетчики?
Не избавят ли нас от погибели,
Не выручат ли нас из неволюшки,
Не выберут ли нас из морюшка, из холоду,
Из того ли льду из морозного,
Не унесут ли нас куда-нибудь во селеньице,
Во губернию ли, во деревни же?
Ты расти тогда, дитя младое,
Дитя младое, ледовое,
Будь счастливо долголетное!“

Во ту пору да в то времечко
Перепорхнула вестка за реку-Москву,
За реку-Москву в каменну Москву.
Услыхали про такое великое несчастье
Народы да от всех земель,
Разнесли скорбну весть по всем городам
Да по деревенкам,
По всей родной земли-матушки
На всех голосах разных племеней.

Со старого до малого все ужахались,
Отцы-матери прирастужились,
Братья, сестры призадумались,
А молоды жены слезами уливаются:

„Есть у нас надея великая,
Надея великая — наш вождь дорогой,
Он не доведет их до погибели,
Спасет-то их, повыручит, из неволюшки
повыведет.

Сталин учал посреди горницы похаживать,
Белыми руками приразмахивать,
Черными кудрями принатряхивать,
И удумал-то он думу крепкую.
Он призвал к себе друзей-товарищов,
Всех товарищов, соработничков,
Ясных соколов-перелетчиков,
Говорил он таковую речь:
„Ой вы, товарищи, соработнички верные,
Случилось дело треложное,
Чернёный карабель у нас в гибели,
Он в гибели, во крушеньици,
Народ носит по морю на льдинушке,
На льдинушке во окиян-море!
Нужно, нужно всё спасти народ,
Спасти, спасти народ, чтоб застать в живых,
В наших землях народ дорог есть,
Каждый-то у нас во вниманьици.
Уж вы ой еси, ясны соколы,
Вы летите высоко по поднёбесью,
Через те ли леса темные,
Через те ли болота жидкие,
Через те ли реки быстрые,
Через те ли моря глубокие,
Выше тех ли облаков ходячих-то,
Долетите-то до моря-окияна же,
До той до мерзлой до лединочки,

Заберите народ в свои крылышка,
Поскорей перенесите, чтоб не нагнала их
непогодушка
Со великими снегами, со морозами,
Перенесите их из моря да на суху землю!

Льдину носит волнами,
А люди дела своего не теряют,
Производили они ученье великое,
Обучали друг друга все ведь к лучшему,
Будто не было перед ними смерти скорой,
Будто не было у них печали-горюшка,
У них все будто забылося.
Скоро, скоро придет да весна красная,
Как тогда пойдет да лето теплое,
А растает льдиночка морозная,
Она вся-то вдруг развалится,
А народ погинут все в пучине морской.
Они думали, куда птице сесть,
У окон нет-то подоконничков,
Они брали-то складны ножички,
Разгребали на льдинке место чистое,
Чтобы птица птичьих ног не замочила,
А теплых крылышков не заморозила.

Во ту пору, во то времечко
Заболеет у них славный карабельщик
Поколен-Борода,
Заболеет, захворал болезнью лютою,
Он лежал, не вздыхал, не стонал же,
На всех ласково посматривал.
А лежал-то он не на кровати тесовой,
Не на периночке пуховой,

Не было подушечки в изголовьици,
Не было у него одеяла теплого призакутаться,
Не было у него печки муравленой.
Лежал, спал на льдиночке морозной,
Вместо перинушки у него была лединочка,
Вместо подушечки — ропачок ледяной,
Вместо одеялушка — снег пушистой.
Говорил Поколен-Борода таковы слова:
„Вздыните головушки ко небушку,
Посмотрите за облака ходячие,
Не летят ли советские богатыри, ясные соколы?“
Воздымали добры молодцы головушки ко небушку,
Смотрели-то за облака ходячие:
Ничего-то там не видели.
Не поверил Поколен-Борода, что так есть,
Вставал сам да со постелюшки,
Припадал к небу да ухом правым,
Борода его ветром колыбалася,
Волоса его воздымались,
Сквозь рубашку тело видится.
„Чую, чую я, что шум шумит,
По поднебесью птица крыльем машет,
Крыльем машет, будто струна брычит,
Аль во болезни, во сновиденьици
Мне прислышалось да привиделось?“

Уж немного тут время миновалось,
День идет ко вечеру,
Соньце катится ко западу,
Загудела, зашумела птица прилетная,
Птица прилетная, советский богатырь, ясный сокол,
И садилась птица на то ли место чистое,
На чистое место, на ровное,

Птичьих ног своих не замóчила,
Теплых крылышков не приморозила.
Ясный сокол по льдиночке похаживает,
Дубиночкой льдинки поколачивает,
Меховой кафтан на распашонку держал.
Ясный сокол начал выговаривать:
„Прилетел я к вам из каменной Москвы,
Из каменной Москвы, со башни славной,
со кремлевской,
Забираю всех-то вас под крылышка,
Унесу-то вас во селеньице,
Во селеньице, на суху землю.
Во-первых возьму дитя малого,
Во-вторых возьму баб же всех,
Во-третьих больного возьму да карабельщичка,
Карабельщичка да славна богатыря,
Во-четвертых уж я всех заберу с собой,
Не спущу я вас черным воронам на карканье,
А белым медведям на растерзаньице“.
Спустился Поколен-Борода со крылечка
со хрустального,
Со хрустального да со ледового,
Из своего-то ледяного шатра да разбитого,
Выходил-то на вольный белой свет
И говорил-то он таковы слова:
„Ай же ты, молодец ухватчивый,
Разве на земли-то стало тесно вам,
Разве небо стало низко вам?
Большое-то спасибо за спасеньице,
За спасеньице, за великое сохраненьице,
Только не честь будет молодецкая,
Не заслуга будет богатырская,
Когда я сам на первых крыльях улечу отсель,

Мне-ка нужно приостатися,
Мне-ка всех да спроводить-то нужно,
Улететь должен последним я,
Это такие у нас обычи водятся,
А я помешкаю немножко —
Дак все поправится“.
Сказал слова да и повалился же,
Больше не мог с силами бороться,
Тут взяли его добры молодцы в охапочку,
Положили его птице во крылышко.
Во-первых забрал дитя малого,
Во-вторых забрал всех жонок ледовых,
В-третьих забрал больного карабельщичка, —
Всех кушаком по белым грудям привязывали
Ко крылышкам, ко перышкам птицы-сокола, —
И полетела птица высоко, по поднёбесью.
Тут налетали-то без счету ясны соколы,
Ясны соколы, славны птицы перелетные,
Они забрали весь народ оставшие,
Уносили их под облака.

Они мало ли летели, коротко ли
Среди окияну, среди ледового,
Они мало ли, много ли летели поры-времени
Через те ли облака ходячие,
Через те ли леса темные, высокие,
Через те ли болота жидкие,
Через те ли реки быстрые,
Через те ли моря да глубокие,
Прилетели они в каменну Москву,
На пути, на дорожечке нигде не останавлиались,
В каменну Москву, к самому кремлю
На славну, на прекрасну Красну площадь.

Развязали ясны соколы кушаки от них ременчаты,
Выпускали спасенных из-под крылышков.
Тут встречал-то их народ из разных племеней,
Из разных племеней, из разных земелюшек,
По всем славным улицам по московским
Шел народ со старого до малого,
Шел народ со знаменами,
Со прекрасными со цветами,
Проливали слезы горючие от радости
Отцы-матери, братья-сестрицы,
У иных-то молоды жены.
Встреты были очень чудные,
Очень чудные да очень дивные.

Из тех ли ворот из кремлевских же
Выходил же тут сам Сталин-свет,
Сам Сталин-свет с соработничками,
Шел-то он по площади по камешкам,
С ноги на ногу по-военному переступывал,
Хромовые сапожки его скрипали,
Со веселою улыбкою он встречал гостей,
Он встречал гостей да целовал-то всех.
Во-первых целовал дитя малого,
Дитя малого, ледового,
Во-вторых целовал Поколен-Бороду,
Поколен-Бороду, карабельщика бóльнего,
Во-третьих целовал ясных соколов,
Ясных соколов, геройских перелетчиков,
Во-четвертых обнимал всех спасенных же.

Тут пошло-то пированьице,
Веселое гуляньице
По всем землям, по земелюшкам.

А та лединочка она плавает,
По окияну по седому она носится,
Никогда эта льдина не растаивает,
По той лединочке ходят-гуляют медведи белые,
Они ходят и дивуются.

Да это не чудо да не диковина:
Дальний Восток — дорожечка не ближняя,
Кривой ездой ехать — ровно три года,
Прямой ездой ехать — нонче тридцать дней.

Славному ледовому окияну на тишину,
Всему советскому народу на воспоминаньице,
От него пойдёт на пропеваньице,
А ясным соколам да славным карабельщикам

Им славы поют,

Им награда

Да честь великая!

Ч А П А Й

Он летал над степями славна-волжскими,
Летал орел-то златокрылый,
Ему славу поют да великую —
Орлу боевому, геройскому Чапаю.

На той на славной на Волге
Небольшой городок был,
В этом городке жил работничек,
Работничек да он ведь плотничек,
На имя Василий, по отчеству Иванович,
По фамилии Чапай.
Земля скудная да очень малая,
Не давала она большого пропитаньица,
Обижали тогда людей помещики,
Привелось ходить по разным сторонам.
И пошел Василий во прикащики,
Во прикащики к купцу богатому,
Заставлял купец обмеривать да обвешивать
Народ-людей-покупателей.
В одно время пришел к нему родной батюшка,
Он пришел с ним повидатися.
Говорил отец сыну любимому:
„Ты послушай моего наказаньица,
Ты живи да правдой сущею,
Ты не слушай купца в делах несправедливых-то!“

Тогда сделал Чапай себе гуслицы веселые,
Он стал ходить по городам да по деревенкам,
Он играет-то в гусли звончаты,
Пропевает песни про Емельку Пугача
Да про Стеньку Разина.

И говорили-то ему тут урядники:

„Почему не пропеваешь про роды царские,
Поешь песни про разбойничков,
Про ночных да подорожничков?“

Отвечал тогда он им таковы слова:

„Ай же вы, уряднички, царские опричнички,
Мне-ка что да пропевать про них,
Мне-ка надо петь про то,
Об чем нужно жить“.

Он сделался тогда плотничком,
Он принялся за строеньица,
Топором-то работал, пилой пилил,
Строил-делал он палаты да все высокие,
А себе домичка так и не построил.

Когда ерманская война заводилася,
Ермания-земля подымалася,
Василий свет Иванович надевал платице военное,
Собирался в путь-дорожечку, во солдатики,
С батюшкой, с матушкой распрощался он,
С молодой женой да с малыми деточками.

Шла война тогда да всекровавая,
Бился-боролся он ровно три года.
Когда пришел же он с войны домой,
Стал он всех-то спрашивать:

„Идет ли жизнь все по-старому,
По-старому да все по-прежнему,
Весь порядок по-досельному ли?“

Отвечают ему да люди добрые,
Люди добрые, знакомые:
„Уж ты ой еси, Василий Иванович,
У нас жизнь-то идет не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему,
Все идет не по-досельному:
Мы, крестьяне, трудовой народ, да взволновались,
Хотим отнять-то землю у помещников,
Мы заводы хотим отобрать у заводчиков,
Война нам-то всем не к надобью.
Против царя-то мы, за власть народную“.

Тут случилась революция,
Пришло времечко, — дела все изменились,
Поднялся народ да за всю жизнь свою,
За новую жизнь, за счастливую.

Уж немного-то было времечка веселого,
Уж недолго веселье продолжалось,
Как издавеча, издавеча, из чиста поля,
Из того ли из раздольица широкого
Тут не грозна туча подымалась,
Не темно облако накатилось,
Подымался тут злодей немилостливый,
Злодей немилостливый Дутов-генерал
Да Колчак-адмирал.

И пришел тогда Чапай к большакам на обсужденьице.
Его усы да во колечушка завилися,
Его очи смотрят со решимостью,
Сапоги хромовы начищены да поблескивают,
В руках-то у него палица боёвая,
На боку висит у него сабелька вострая.

И говорил-то он таковую речь:
„Уж вы здравствуйте, добры молодцы,
Добры молодцы, большаки путёвые,
Вы возьмите меня, добры молодцы, в свою партею,
В свою партею да всенародную!
С начала жизни своей я жил крестьянином бедным,
Был я прикащиком у купцов толстобрюхих,
Был я половым во трактире проезжем,
Был я скоморохом, выигрывал на гусельках,
Был работничком я, плотничком,
Был в солдатах, за чужо добро кровь проливал,
Все-то я видал да про все-то я наслышан,
Не хочу я быть у господ во работничках,
Во работничках да во прикащичках.
Вы дозвоьте мне созвать дружинушку хоробрую,
Дружинушку хоробрую, красных молодцев,
Разобьем-то все палаты господ белокаменные,
Разобьем полки офицерские, енеральские,
Посадим белых разбойников во темную во темницу!“

А как выскочил-то он на широкую на улицу,
Да обернулся он красным богатырем.
Он пошел тогда да во широкий двор,
Брал тогда добра коня,
Добра коня да со семи цепей,
Убирал-то его в убор богатырский,
Он накладывал двенадцать тугих подругов,
А тринадцату клал не ради красы, а ради крепости,
Ради той ли поездки молодецкой.
„Ай же вы, дружинушка хоробрая,
Уж вы дайте-ка мне разгуляться,
С енералами мне поборотися,
Поборотися, силушкой померяться!“

Отвечала ему дружинишка хоробрая:
„Уж ты ой еси, Василий Иванович,
Как не стоять нам за Ленина-вождя,
За те правды его народные,
За те порядки нам очень сходные!“
Надевает он латы булатные,
Все доспеки боёвые,
Он берет с собой саблю вострую,
Он берет с собой палицу тяжелую,
Он берет с собой булатный нож
Да пулеметное орудие-максимочку.
Забил его конь в землю ножкой правою,
Мать-сыра-земля да всколыбалася,
В темных-то лесах дрова-то пошаталася,
В море Хвалынском вода волной разливалася.

Не путем шли добры молодцы да не дорожечкой,
Шли лесами да чистым полем,
Приворотили-то ко кусточку к ракитову.
Под кустушком под ракитовым
Сидела тут дёвица, слезно плакала,
Слезы льются, как река течет.
Она плакала, таковы слова говорила:
„Ай, коса ты, моя коса, коса русая,
Доставалась коса не дородню добру молодцу,
Не дородню добру молодцу, не красну воину,
Доставалась коса русая
Злодею енералу на поруганьице“.
Красотой она была прекрасная,
Лицом-то была она белая,
Очи у нее, как у ясна сокола,
Брови-то у нее да черна соболя,
Речь-то у нее да очень смиренная.

Говорил-то ей сам богатырь Чапай:
„Не плачь, не плачь, девица, душа красная,
Расскажи-ка мне, какого города, какой деревенки,
Какого отца да родной матушки,
Как зовут тебя да по имени,
Как величают тебя да по отчеству?“
„Я из той ли из деревни из Бедняхи,
Я дочь-то кузнеца да деревенского,
Именём-то зовут да Катерина же“.
Тут заплакала девица пуще старого,
Не видит она свету белого.
Говорил же тут богатырь Чапай:
„Ай же вы, добры молодцы,
Мы возьмем девицу Катериночку
Во свою дружинишку во хоробрую,
Нам ведь надо принять ее да обучить ее,
Как стрелять-то из максимочки пулеметной“.
И примали они красну девицу во товарищи.

Он ведь ездил-то по полям да по лугам же,
По городам и по деревенкам,
Бился-боролся с енералами со белыми,
Разбил-разбросал собак по чисту полю,
По тому ли раздолью широкому,
Катерина-девица ему да помогала же,
Из орудия пулеметного да в их стреляла же.

В бою получил Чапай рану немалую,
Эта рана была в буйну голову.
Говорила Катерина таковы слова:
„Уж ты ой еси, Василий свет Иванович,
Дай, тебе я да помогу во всем,
Голову твою кровавую у тебя омою,

Завяжу рану платом шелковым,
Зажила рана у тебя чтоб в скорости,
Не повредила тебе мозгу головного".
Отвечал Чапай Катерине же:
„Уж ты ой еси, девица, красна пулеметчица,
Спасибо за все твое удовольствие,
Эта рана невеликая,
Невеликая да неглубокая,
Есть у меня раны побольше да поглубже ее:
Первая рана — любовная, —
Ты мне, Катеринушка, в любовь пришла;
Вторая рана — военная,
Военная да самая главная:
У нас есть злодей Колчак-енерал,
Мне-ка надоть побороть его“.

Как опять же стоит собака-енерал среди поля,
Середь поля да среди чистого,
За самим за енералом силы числа-сметы нет:
За ним сорок енералов, сорок полковников,
За ним сорок капитанов, сорок поручиков,
За ним сорок сороковых станичных подорожничков.
Он ведь день рубился с утра до вечера,
Он бился-боролся всю темну ночь до утра ранного,
Не пиваючи да не едаючи,
А добрым коням отдыху не даваючи.
Он ведь стал тут по силы покаживать,
Стал он ту белу силу поколачивать,
Разметал, разбросал всю силу белую
По разным по сторонускам.

Захотелось Чапаю большой мудрости,
Большой мудрости, ученьица,

Всем наукам обучитися,
Всех енералов помудрей же быть.
Он сядилса на добра коня,
Он поехал в каменну Москву,
В каменну Москву, к вождю Ленину,
Он желал да с ним повидатися,
Совету мудрого попросить у него.
Он ехал немало поры-времени,
Он приехал в каменну Москву,
В каменну Москву, к самому кремлю.
У ворот приворотников не спрашивал,
А махал через стену кремлевскую.
Он брал коня за ременный повод
И вел по двору широкому кремлевскому,
Заводил коня на конюшен двор,
Привязал коня ко столбу ко стоячему,
Насыпал ему пшеницы белояровой,
Сам пошел-то ко крылечушку ко высокому,
Пошел во горницу к вождю Ленину,
И входит-то он безобъявочно.
Его встречал, встречал вождь же Ленин наш,
Они свиделись да познакомились,
Познакомились да поздоровались.
За его подвиги молодецкие,
За подвиги славно-геройские
Благодарил его вождь,
Да он ведь жаловал, сам чествовал.
Он сядил Чапая за столечек белодубовый,
За ту ли за скатерть за полотнену,
Угощал кушаньем приготовленным —
Стерлужиной, белужиной да хлебом-солью же,
А поил водицей медовою.
Чапай сидел, повеся буйну голову,

Ясны очи потупил во ту ли во печку во муравлену,
Он сидел скучный, все нерадостный,
Сидит — не тряхнется, не ворохнется.

Тогда Владимир Ильич стал на свое место,
Низко кланялся

И говорил ему таковую речь:

„Что же ты, Василий Иванович,
Не ешь, не пьешь, не кушаешь?

Вода ли московская тебе не сладкая,
Пшенá ли моя тебе не дошлая,

Иль хозяйка к тебе нелюбезная?

Какое горюшко у тебя на сердечушке?“

Отвечал тогда Василий Иванович:

„Уж ты ой еси, Владимир Ильич,

Уж ты дай мне совету лучшего,

Совету лучшего, самого мудрого,

Как мне обучитися,

Обучитися да поучитися:

Без ученьица жизнь самая гибшая,

Енералов битъ — надо ученым быть!“

Написал вождь да скору грамотку,

Штоб приняли его во ученьице,

В ученьице да во военное,

В главные науки, в наукодемию.

Чапай берет скору грамотку во праву руку,

Кладет грамотку во правой карман,

Благодарит его да земно кланяется,

Светлыми шпорами принабрякивает,

Со улыбочкой крепко руку жмет.

Прочитали в наукодемии скору грамотку —

Его приняли.

Они стали его спрашивать,

Про всё стали они выведывать:
„Ты скажи-ка, Василий Иванович,
Где така иностранная река течет?“
На это Чапай да разобиделся,
Почему такой вопрос ему задали;
Он у них да сам спрашивал,
Он сам им да вопрос лукавый задал же:
„Вы скажите мне, где Солянка течет?“
Они призадумались да приразмыслились,
Отвечать они не знали как.
Он тогда им да возговорил же все:
„Ах, вы, люди да всеученые,
Вы ученьица-то немалого,
Образованьица-то всего полного,
Почему про то не знаете,
Где течет река да славная Солянка?
А на речке на славной на Солянке
Я держал битву великую
С енералами все со белыми,
Много-много я побил же их“.

Долго учиться Чапаю не пришлось,
Тут случились несчастья страшные:
Со всех четырех сторон
Енералы белы съехались,
Они хотели забрать всю страну советскую,
Они хотели вернуть порядочки досельные,
Порядочки досельные, богатейные, —
Меж собой собаки дёл делят:
Со избы они брали по петуху и по курице,
С каждого двора по добру коню
Да по сто пуд пшеницы белояровой,
У кого коня иль пшеницы нет,

Дак жону возьмут,
У кого жоны нет — самого в полон уволокут.
Ясны очи Чапая помутилися,
Могучи-то плечи сшевелилися,
Геройское сердце растреложилось, разъярилось,
Раскрывал он те двери дубовые,
Разлетались двери на середь двора.
„Уж вы ой еси, начальники наукодемии,
Отмыкайте замочки висучие,
Выпускайте добра молодца на волюшку,
Приходит времечко строчное, необходимое,
Сейчас не пора, не времечко учиться,
Ехать мне надо на силу неверную,
На силу неверную, на подвиги на великие!
То не честь молодецкая,
Не выслуга славна-геройская —
Сидеть Чапаю в комнатке,
Надо мной добры молодцы будут ужахатися,
А малые ребята будут смеяться.
Дайте-ка выбрать у вас самолучшего коня
Из всего табуна!“
И заводят Чапая да во конюшенку,
Где Сереюшко стоит да конь ведь серенький;
Конь бросился да от яслей к нему,
Он ведь пал да на колени же,
Заговорил конь Василию Ивановичу:
„Ты возьми, возьми, богатырь Чапай,
Ты возьми меня да слугой себе,
Слугой верной да неизменной“.

Чапай садится в стремяна-седла,
Конь скочил — за Москву-реку перескочил
Да во весь мах махнул в чисто поле.

Приезжает во чисто поле и Фурман-комиссар,
Фурман-комиссар, большак, ученый молодец,
во помощнички,

С грамоткой от самого от Ленина.

Тут они подружились,

Во боях стали друзьями верными,

Неизменными товарищами.

Говорил-то ему Чапай:

„По наукам вся мудрость — твоя,

А сметка и геройство — это я могу,

Уж мы будем друг дружке помогать во всем“.

Не степной орел начал полетывать,

А наш герой начал поезживать,

Пыль-то в поле запыхается,

От земли песок подымается,

Много бьет-секет силы саблей вострою,

Вдвое-то топчет да его добрый конь Сереюшко.

Вправо Чапай махнет — валилась улица,

Влево отмахнет — валились переулочки.

Помогала ему дружинишка,

Помогал ему Фурман-комиссар,

Помогала ему пулеметчица, славная Катеринушка, —

Бились-боролись многи суточки.

Побежала рать, сила белая,

А за нею добры молодцы погнались.

Енералы все ему взмолилися,

Взмолилися да такую речь возговорили:

„Не предавай нас да смерти скорой,

Уж не будем мы летать на советску Русь,

Уж не будем уносить мы живком людей!“

Тут Чапай с Фурманом разлучилися,
Разлучилися, расставалися,
Фурман-комиссар спокидал дружинишку,
Уезжал-то он в други края
По той грамотке от Ленина.
Чапай распрощался с ним да прирасплакался.

Чапая конь от тех боев да утомился же,
Стал под ним да спотыкаться,
Готов был упасть да со резвых же ног.
Захотел Чапай ему отдох давать,
Заезжали они в одну деревенку,
Деревенка стояла близко у реченьки,
Близко у реченьки, у быстрого Урала.
Они остановились во деревенке,
Сели есть да ведь ужинать,
Стали-есть, пить да кушать.
Увидал Чапай да у Катерины-пулеметчицы
В руках ложечку серебряну,
Приказал дружинишке собиратися,
И сказал-то он дружинишке таковую речь:
„Уж вы ой еси, добры молодцы,
Вся верная моя да вся дружинишка,
Это что такое чудо чудное,
Что за диво, диво дивное:
У ней была ложечка деревянная,
А сейчас почему у ней серебряна?
Откуда она взяла ее?
Не по хорошему, вижу, положеньицу!
Как за это я дак хочу судить,
Чтоб не был у нас беспорядочек,
Я хочу ее судить да все своим судом,
А ведь вашего совета я прошу у вас“.

Спроговорила Катерина-пулеметчица:
„Уж ты ой еси, свет Василий все Иванович,
Ты прости меня вины да виноватой,
Эту ложечку я взяла в доме во проезжем
У человека у богатого, у ушедшего“.
За ее дружинишка заступилась,
Они просили, чтоб простил же он.
„Я прощаю тебя по твоей по младости,
По твоей небольшой по недогаданности,
Если еще единый раз да повторится,
Не прощу тебя да не помилую,
Отсеку у тебя да буйну голову“.

Еще чад от боев велик, дымом валит,
Они во всех подвигах утомились,
Отдохнуть с подвигов захотелось,
Спать в домах повалились,
Повалились, приразоспались.
Был-то у Чапая молодец ухватчивый,
Молодец ухватчивый, Петруша — кудри русые,
За Чапая он смотрел да все усматривал,
Он любил его да помогал во всем.
В последнюю ноченьку в треложную
Петруше не спалось никак,
Не спал он да все треложился,
Разбудил он Чапая
Да говорит ему таковы слова:
„Я гулял-ходил во чистом поле,
Во чистом поле увидал — дуб стоит,
На дубу сидит да черный ворон,
Ворон черный да птица вещая.
Хотел я подстрелить да чорна ворона,
Проговорил черный ворон голосом человеческим:

— „У жты ой еси, добрый молодец,
Не стреляй меня да понапрасну,
От меня тебе да корысть малая,
А польза невеликая!
Я скажу тебе правду сущую:
Недалече отсюда во чистом поле
Там ходят-проезжают разбойнички,
Разбойнички, губители великие.
Я летел над теми лесами высокими,
Над теми лугами зелеными,
Около той ли Урал-реки.
Я видал там силу несметную,
Мне-ка, чорному ворону,
Той силы не облететь будет,
Волку серому не обежать будет“.
Проговорил ворон да полетел же сам
На дуб на дерево на высокое,
На самую на вершину же“.
Василий Иванович не расслушал ничего
спросоньца,
Не разгадал про то, про что идут дела,
Про что дела идут да разговоры ведут,
С боку на бок перевернулся он,
Очи ясные не открыл же он,
Не промолвил он ни единого словечушка,
Заснул опять крепким сном,
Ничего-то он не думал о смерти скорой.

Как нагрянули за полночь неприятели
В ту темну ночь да в ту деревенку,
Наехал проклятый чудище Сладков-енерал,
Сам чудище да престрашное:
Голова большущая, как пивной котел,

Ножишша будто дубины стоялые.
Ручишша будто больши хоботы,
А глазишша будто у тигра лютого.
Как кричал тогда зычным голосом Чапай-богатырь:
„Восставайте-ка, пробуждайтесь, добры молодцы,
Добры молодцы, дружинушка хоробрая,
Он пришел енерал да целком сглонет!“
Чапай крык крыкнул не по-человеческому,
Он свист свистнул по-соловьиному,
Дак слышало сердечушко кониное,
Сереюшко как жалобно заржет,
Будто с Чапаем распрощался он
И навечно расставался же.
Вскочил Чапай на резвы ноги,
Выбегал он на широкую на улицу
В одной рубашечке во нижней да без пояса.
Тут добры молодцы пробуждалися,
За ружья они хваталися,
Выходили на скорый бой, на поединок.
Кричал тут Чапай-богатырь:
„Уж я был бы на волюшке во чистом поле,
Во чистом поле да на добром коне,
Я отсек бы тебе собачью голову!“
Они бились ружьями военными,
Они бились копьями булатными,
Они секлись саблями вострыми.
Сколько ни бились, ни боролися,
Не могли осилить силу белую:
Одну голову отрубят — две покажется,
Втору голову отрубят — тут много их окажется.
Наскочил беляк да много-множество.
Чапая в битве сильно ранили,
Выпала у него да сабля вострая,

На праву ногу стал да он припадывать,
На леву ногу прихрамывать,
Ружьем боёвым подпирается,
А ружье под ним изгибается.
Побросался он во речку быструю,
Он хотел да переплыть ее.
„Уж вы дайте мне сроку малого,
Ищю выплыть на крутой на бережочек,
На рассыпчатый песочек,
Наберу я силу многую,
Силу многую, советскую,
Тогда я с вами рассчитаюся,
Рассчитаюся да расквитаюся,
Не оставлю белой погани на сѣмена.
Меня вынеси, волна, из неверной земли,
Из неверной земли, из енеральского загону!“
Ищю выплыл Чапай на перву струю,
Ищю поплыл Чапай да на втору струю,
Да втора-то струя очень относиста,
Тут погинул Петруша, его помощничек,
Тут попала Чапаю пуля быстрая,
Раздробезжинила его да буйну голову.
И пошел Чапай в реку на дно,
Пошел на дно тяжелым камешком.

Ай, потухла звезда поднебесная,
Погинул герой-богатырь на быстрой реке!
Приутихла, приумолкла река быстрая,
Приутихли, приумолкли песочны бережка.

То не белая береза в поле клонится,
Не кудрявая, зеленая преклоняется,
Знамя красное над курганом развевается,

Над могилою в буйных головах приметочка,
Памятна доска железная:

*Здесь лежат красны молодцы,
Могучие советские богатыри,
Славные Чапаевцы.*

Кто ни проедет, кто ни пройдет,
Всяк про героев вспомянет.

Ай унесла Чапая река быстрая,
Унесло его по реке да по теченьицу,
Где-то он нашел себе оприютнице!

Сквозь белы груди да трава выросла муравая,
Сквозь буйну голову да цветы расцвели лазуревые,
Перелетные птицы свивали свои гнезда
Во русых кудрях Чапаевых.

Василий Иванович да все ведь слышит он,
Слухом слышит да слово не молвит,
Чапай лежит во земли сырой

Да думает думу крепкую:

„Пролежу ищо несколько поры-времени,
Накоплю силы да я побольше ищо,
Во сырой земли я скоро двадцать лет лежу,
Двадцать лет лежу да скоро встану-выгляну“.

Теки, теки, славна Волга-река,

Кати, кати волны высокие:

Пропой, Волга, песню очень чудную
Про Емельяна Пугачева, добра молодца,
Про Стеньку Разина, добра молодца,
Про героя,

Про красного богатыря,

Про Василия Чапая

СКАЗАНИЕ ПРО ПОЛЮС

Призывал-то к себе великий вождь Сталин
на заседаньице,
На заседаньице да на рассужденьице
Славного ледового героя Поколен-Бороду,
Призывал людей премудрых да все ученых,
Созывал ясных соколов, геройских перелетчиков,
Говорил-то он таковую речь:
„Уж вы ой еси, добры молодцы, герои-перелетчики,
Вы слетайте в ту страну, в самую дальнюю,
В самую дальнюю да во холодную,
Во холодную да во северную,
Куда ясны соколы никогда не летывали,
Добры молодцы никогда не проезживали,
Где люди добрые не проживали же;
Та страна для нас очень важная,
Как оттуда подымается вся погодушка
На всю нашу на родну земелюшку!
Приузнайте там, проразведайте,
Отчего зачались зори утренние,
Отчего-то дуют ветры буйные,—
Не ото льдов ли морозных воздыханьица?
Знать должны мы все про погодушку,
Когда и откуль подуют ветры буйные,
Когда пойдут да дожди частые,

Когда случится да люта засуха,—
На полях своих да во делах своих
Обо всем этом мы должны ведати.
Вы летите в ту страну холодную,
Во холодную, во ледовитую,
Вы состройте там домичек ледовый,
Домичек ледовый с башенкой со высокой,
С той башенки глядите вы, проглядывайте,
Записывайте про все во книгу во памяту,
Посылайте мне ерлык да скору грамоту,
Как идут дела, да что вам видится!“

Ходили в ту страну полунощную,
В ту страну, в северную, во холодную,
Люди многие иностранные
Ко тому ко столбу ко земному:
Чудный столб он ведь видится,
Из земли, из окияну он ведь кажется.
Как ходил один человек да иностранный,
Он хотел пройти да не мог пройти.
Во тех во льдах да морозных,
От тех от стуж да очень сильных
Он погиб да в том хожденьици,
Долго, долго да не знали ведь,
Где погинул хоробрый путешественник.
Через несколько поры, поры-времени
У того ли у моря нашего у Белого
Как сидели рыбаки да рыбачили,
Они сети в море Белое закинули,
В сетях-то они выловили чудо чудное,
Чудо чудное да очень дивное:
Они выловили сапог с его правой ноги,
А в сапоге в том прописаньице положено:

„Во делах своих успеху не окончил я,
Не исполнил я заветного мечтанища“.
Как ходил другой человек да иностранный
По тем путям морским, по ледовым
Ко тому ко столбу стоячему, ко земному,
В путешествии он да утомился,
Утомился да приустал весьма,
Он хотел да отдохнуть в пути.
Как во ту пору да в то времечко
Напали на него медведи белые,
Медведи белые да очень жадные,
Разорвали его на части на мелкие,
Они съели, сглобули его без остаточку,
Не оставили ни одной от него косточки.
У того ли у моря нашего у Белого
Ходили наши охотники да охотились
За теми за тюленями, за зверями морскими,
Однажды зверя они да застрелили
Не тюленя, а медведя белого,
Медведя белого да заблудившего,
А как начали сдирать шкуру-то медвежью,
А как начали разрублять тушу-то медвежью,
Чудо чудное да очень дивное —
Во кишках нашли трубочку подзорную,
Трубочку подзорную того ли путешественника,
А в той во трубочке записочка положена:
„Во делах своих успеху не окончил я,
Не исполнил я заветного мечтанища“.
Как ходили третьи люди да иностранные
По тем морским путям, по ледовым
Ко тому ко столбу стоячему, ко земному,
Да попали они во крушеннице,
Да впади они во великое несчастье,

Завелся между ними свирепый голод,
Они начали друг дружку есть да кушать.
Подоспели, подошли тут карабли советские,
Спасли тех, кто в живых был, не померли.
Много-то ходило туда народу разного,
Но не было у них такой способности,
Способности такой да премудрости,
Не было у них такой хоробрости и ученьица.

Полетели туда наши ясные соколы,
Ясные соколы, герои-перелетчики,
Летели они через горы высокие, ледовые,
Летели они через моря глубокие,
Прилетели они в ту страну холодную,
В ту страну холодную ко столбу земному,
А вокруг того столба льдинки носятся,
Льдинки носятся, кругом кружатся.
Приносили они на крылышках людей мудрых,
Людей мудрых да хоробрых же,
Опускали они их со крылышков
На ту лединочку на морозную, проходящую.
Они делали на том на столбу на земном
Знамя славное советское,
А на лединочке домичек соорили,
Домичек ледовый со высокой с башенкой.
Опускались они на дно морское,
На дно морское бездонное,
Доставали они глубину окианскую,
Смотрели-глядели они, как земля вертится,
Как вертится да вокруг кружится,
Кругом столба да обвивается,
Штоб всем от соньца было обогретьице,
Штоб знать было, когда идет же белый день,

Когда приходит ночка темная,
Не на трех китах земля основана,
Как говорили в старину люди старые,
Не потому земля колыбается,
Будто кит спросонья пробуждается,
А вертится земля вокруг столба стоячего,
Тем столбом земля насквозь протыкана;
И оттого земля-матушка колыбается,
Что чудный столб от ветра шатается.
На самом на том на столбу на земном,
Что торчит верхним концом ко небушку,
Знамя славное советское развевается,
Возле знамени того стоит сам Поколен-Борода,
Его черная бородушка по ветру воздымается,
Делает он разные приказаньица,
Как вести дела, как делать всю погодушку.

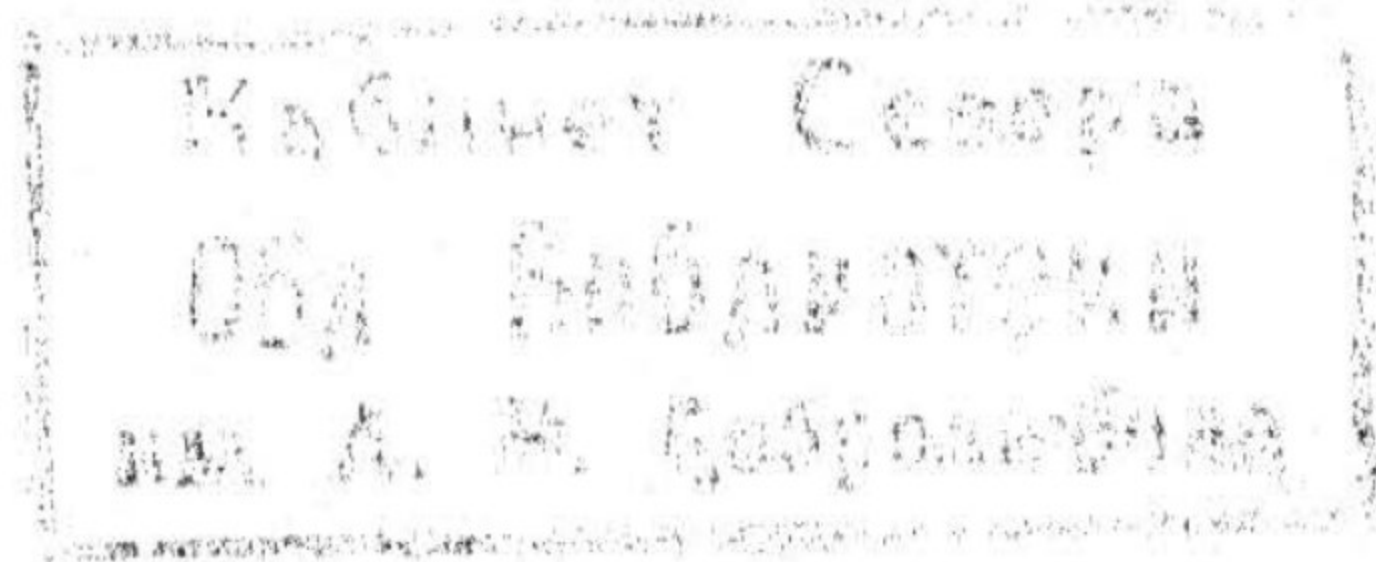
И оставались на той на льдинке проходящей
Советские герои, пречудные рыцари,
Они стоят на заставе на самой морозной,
Они живут-проживают у того столба стоячего,
У славного ерба советского.
Пришли к ним во помощнички медведи белые,
Медведи белые им поклоняются,
Они пришли с героями познакомиться,
Познакомиться да поздороваться,
Быть соседями да все ведь ближними
И товарищами все ведь верными.

Герои живут на льдиночке да дело делают,
Дело делают, все просматривают да проглядывают:
Как только ветры буйные зачинаются,
Изо льдов они делают стеночки защитные,

Штоб не дула ветры буйные на наши поля
прожиточные,
Штоб древа в садах да не шаталися,
Штоб карабли советские во спокойе плавали.
Когда туча собирается—ее придерживают,
Попродерживают в руках да пощупывают,
Отпускают тогда тучу в ту стороночку,
Где нужны земле дожди очень срочные.

Лединочка с героями по окияну носится,
По окияну носится неизвестно в каку стороночку,
На ней горят нонь огни всяки-разные,
На ней цветут нонь цветы лазуревые.

Да это не чудо да не диковина:
Ноньче погодушку для своей для родины
Делают советские богатыри своею мудростью,
Своею мудростью, науками превеликими!

80 коп.